

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

Замечания и наблюдения охотника братья грибы

(Статьи об охоте)

«В числе разнообразных охот человеческих имеет свое место и смиренная охота ходить по грибы, или братья грибы. Хотя она не может равняться с другими охотами, более оживленными, уже потому, что там приходится иметь дело с живыми творениями, но может соперничать со многими, так сказать, второстепенными охотами, имеющими, впрочем, свои особые интересы. Я даже готов отдать преимущество грибам, потому что их надобно отыскивать, следовательно можно и не находить; тут примешивается некоторое умение, знание месторождения грибов, знание местности и счастье. Недаром говорит пословица: „Со счастьем хорошо и по грибы ходить“...»

Сергей Тимофеевич Аксаков
Замечания и наблюдения
охотника братья грибы

В числе разнообразных охот человеческих имеет свое место и смиренная охота ходить по грибы, или брать грибы. Хотя она не может равняться с другими охотами, более оживленными, уже потому, что там приходится иметь дело с живыми творениями, но может соперничать со многими, так сказать, второстепенными охотами, имеющими, впрочем, свои особые интересы. Я даже готов отдать преимущество грибам, потому что их надобно отыскивать, следовательно можно и не находить; тут примешивается некоторое умение, знание месторождения грибов, знание местности и счастье. Недаром говорит пословица: «Со счастьем хорошо и по грибы ходить».[1]

Тут есть неизвестность, нечаянность, есть удача и неудача, а все это вместе подстрекает охоту в человеке и составляет ее особенный интерес. Охота ходить по ягоды или за орехами (одна из охот второстепенных) с первого взгляда может показаться сходною с охотою брать грибы, но при ближайшем рассмотрении мы увидим, что последняя имеет большие преимущества. Охотники брать грибы,

верно, со мною согласны, и с ними-то хочу я побеседовать, им хочу сообщить мои многолетние наблюдения.

Грибы составляют самую питательную, вкусную и здоровую пищу, если они употребляются не в излишестве, не слишком жирно приготовленные, а совершенно прожаренные и уваренные или совершенно просолившиеся. Последнее относится к тем породам грибов, которые солятся сырыми, как-то: грузди, рыжики и другие. Для горожан грибы лакомство, для народа пища, а в иных местах отрасль дохода. Гриб – дитя леса. В степи нет грибов, кроме шампиньонов и луговиков, но и те рождаются только на земле унавоженной, на выгонах, толоках и дорогах, всегда около жилищ человеческих или скотских. Всем известное дело, что если посеять и насадить, одним словом развести и вырастить лес в чистом поле, то непременно начнут родиться в нем грибы, свойственные породам разведенного леса. Но не в одной тени (как думают многие), бросаемой древесными ветвями, заключается таинственная сила деревьев выращивать около себя грибы; тень служит первым

к тому орудием, это правда; она защищает землю от палящих лучей солнца, производит влажность почвы и даже сырость, которая необходима и для леса и для грибов; но главная причина их зарождения происходит, как мне кажется, от древесных корней, которые, также в свою очередь увлажняя соседнюю землю, сообщают ей древесные соки, и в них-то, по моему мнению, заключается тайна грибо-рождения. Это убедительно доказывается тем, что около пней срубленных деревьев, производивших в изобилии известные породы грибов под своей живительной тенью, долго продолжают родиться те же самые породы, иногда десять лет и более. Медленно умирая, наконец корни сгниют и высохнут, и грибы перестанут родиться. Я неоднократно имел случай производить мои наблюдения над пнями деревьев, стоявших отдельно на полянах и опушках, где нельзя предполагать влияния других соседних деревьев. В доказательство же, что одной тени и влажности недостаточно для произведения грибов, можно указать на некоторые породы деревьев, как, например, на ольху, осокорь, тополь, черемуху и проч., под кото-

рыми и около которых настоящие грибы не рождаются. Полная зависимость грибообразования от древесных соков и даже от качества их всего убедительнее доказывается уже тем, что многие деревья производят исключительно им свойственные грибы. Если бы нужны были только сырость, тень и прохлада, то всякие породы грибов родились бы под всякими деревьями.

Народ, признавая вполне влияние деревьев на грибы, дал некоторым из них названия, происходящие от названия деревьев, как, например, березовик, осиновик, подорешник, дубовик и проч.

Грибы разделяются на употребляемые в пищу и не употребляемые: последние вообще называются поганками; в числе их находятся грибы ядовитые, как-то: дубовик, мухомор и другие. Между поганками есть грибы, которые в иных местах России считают вредными, а в иных местах употребляют в пищу, например: свинухи, или коровьи уши, валуи, моченки, чернухи и проч.; их предварительно отваривают или вымачивают, потом солят и кушают без всякого вреда. Я знал даже чело-

века, который все грибы, кроме дубовиков и мухоморов, считал съедобными и доказывал их безвредность собственным примером и всего своего семейства; он утверждал даже, что так называемые поганки точно так же вкусны, как и другие грибы.

Этому, впрочем, трудно поверить, потому что поганки по большей части не только имеют неприятный цвет и вид, но и пахнут очень противно.

Замечательно, что многие породы грибов съедобных, или хороших, как иногда их называют, имеют как бы соответствующие им грибы *поганки*, несколько похожие на них образованием своим и цветом; еще замечательнее, что когда начнут появляться эти поганки между хорошими грибами, то они начнут пропадать; наконец, слой съедобных грибов проходит, и местом их пребывания совершенно завладеют поганки. Это особенно бывает заметно в тех грибах, которые рождаются во множестве слоями, кучками, как, например, в маслениках, рыжиках и белянках.

Всем охотникам известно, что у грибов есть *любимые места*, на которых они непре-

менно каждый год рождаются в большем или меньшем изобилии. Без сомнения, этому должны быть естественные причины, но для простого взгляда эта разница поразительна и непостижима. В лесу довольно часто, где корни и даже ветви одних деревьев встречаются с корнями и ветвями других деревьев, любимые места, если они и есть, заметить трудно; но в редколесье или на полянах они очевидны и никакому сомнению не подвержены. У меня есть дубовая роща, в которой находится около двух тысяч старых и молодых дубов; старые, в числе более двухсот, стоят очень редко между собою на большой сенокосной поляне, и только под некоторыми из них с незапамятных времен рождаются во множестве белые грибы, несколько особенного образования и величины, необыкновенной плотности и крепости и также необыкновенного бронзового или стального цвета, иногда пестрые и глянцеви-тые, как мрамор. Первое качество, вероятно, происходит от качества сока дубовых корней, а последнее – от действия солнечных лучей, потому что одиночно стоящие высокие дубы дают мало тени. Под другими же дубами, на

той же вышесказанной сенокосной поляне, грибов бывает очень мало, а под некоторыми и совсем не бывает. Есть также у меня в саду и в парке, конечно, более трехсот елей – и только под четырьмя елями рождаются рыжики. Местоположение, почва, порода деревьев – все одинаково, а между тем вот уже двенадцать лет, как я сам постоянно наблюдаю и каждый год вновь убеждаюсь, что грибы рождаются у меня на одних и тех же любимых своих местах, под теми же дубами и елями. Разные породы грибов, рожаясь около отдельных деревьев, представляют замечательную особенность, которая состоит в том, что грибы предпочтительно рождаются на северной стороне дерева: на восточной и западной – их бывает гораздо меньше, а на южной стороне, особенно в сухое время, грибов почти не бывает.

Такое влияние частей света и солнечного стояния еще очевиднее в породе рыжиков: рыжики красные около одной и той же ели постоянно рождаются на север и до половины восточной и западной стороны. Тут, точно по назначенной черте, к югу идут уже рыжики зеленовато-синие, имеющие поверхность ше-

роховатую, как будто засохшую, хотя корень и шляпка гриба в изломе точно так же красны и сочны. Таким образом, окружность дерева разделяется по равным частям; рыжики красные занимают северную сторону, а рыжики зеленоватые – южную; восток же и запад обеими породами делятся пополам: но и тут на южной стороне грибов бывает меньше.

Нет никакого сомнения, что в дождливые, мочливые года, как выражается народ, грибы рождаются в большем изобилии, особенно если ненастье сопровождается теплом; но и тут бывают исключения, непонятные простому наблюдателю, которые объяснить может только наука. Я неоднократно замечал, что, несмотря на сильную теплоту атмосферы, дожди бывают иногда вредные грибам: иногда это вредное действие оказывается медленно и незаметно, а иногда – с поразительной очевидностью и быстротой, особенно на грибах молодых, только что вышедших из земли. В продолжение последних двенадцати лет я видел четыре раза сильные опустошения, произведенные дождем, выпавшим по видимому при благоприятных условиях теплоты. Два

раза такой дождь сопровождался какою-то сухой мглой, которая пахла противною гарью, а два раза дожди были проливные, сильно промочившие землю и мгновенно смененные солнечным сиянием. Посещая каждый день, около полудня, все грибородные места моего сада и парка, на которых накануне я оставил множество молодых белых грибов, я был поражен внезапною переменою их вида: более или менее все молодые грибки сморщились и позасохли, а самые маленькие, величиною с горошинку и даже с маленький лесной орех – исчезли, и только какая-то гниловатая пыль, которую и различить было очень трудно, лежала на тех местах, где находились грибные зародыши. Некоторые из грибов, более возмужавших, оправились и достигли своей обыкновенной величины, но уже в каком-то несколько изуродованном виде; прочие же подгнили и свалились. Такие вредные следствия дождя были замечены и записаны мною каждый раз. Подобное же действие, но медленно обнаруживающееся, производят иногда изобильные ночные росы, производящие желтоватые пятна даже на траве. Кстати

будет здесь сказать, что существующее в народе поверье, будто замеченный человеком гриб не вырастет, а завянет, по моим наблюдениям совершенно несправедливо. У меня всегда бывает множество замеченных грибов, преимущественно белых, и я беру их в таком возрасте, какой мне понадобится, или оставляю достигать полного своего развития и красоты. Я не стану самоуверенно утверждать, что взгляд человека не может производить магнетического действия на растительное царство, но скажу только, что бесчисленные опыты меня убедили в том по крайней мере, что мой взгляд никогда грибам не был вреден; я даже пробовал слегка дотрогиваться до грибов и освобождать их от листьев и травы, которые иногда мешают грибам расти; я даже отламывал кусочки от их шляпок, а грибы росли по-прежнему. Одно верно: если пошатнуть корень гриба, он завянет и пропадет.

В ненастное время и к осени грибы отдаляются от деревьев и охотнее растут по опушкам и голым горам – на отскочихе, как выражается народ, – а в сухую и жаркую погоду грибы жмутся под тень и даже под ветви де-

рев, особенно елей, которые расстилают свои сучья, как лапы по земле, отчего крестьяне и называют их *лапником* и рубят без пощады и без вреда дереву на всякие свои потребности; они даже утверждают, что ель лучше и скорее достигает строевой величины, если ее *подходит*, то есть обрубить нижние ветви.

Кроме вредных дождей и рос, грибам вредят, на открытых местах, жаркие лучи полдневного солнца; они прижигают грибные шляпки, и хотя прохлада ночи, роса и перепадающий дождь освежают их, но если прижиганье повторяется ежедневно, то грибы засыхают, не достигнув полного возраста. Продолжительное и постоянное ненастье также в свою очередь вредно грибной растительности, особенно в тени, в густой траве и местах глухих: грибы загнивают, плеснеют и погибают. Их очень портят и даже истребляют и живые враги: земляные улитки, или слизни, которые, плотно приклеясь к грибам, точат и поедают шляпки и корни их. В неурожайные, негрибные годы редко попадает грибок, на котором бы не было двух или трех слизней. Белки также охотницы до грибов, преимуще-

ственно до белых, и часто тонкие и острые белычьи зубки оставляют дорожчатые следы на изглоданных грибных шляпках. Но всего более истребляются грибы зарождающимися в них мелкими белыми червячками; в иной год их бывает такое множество, что корень у всякого белого гриба, по наружности крепкий и здоровый, непременно источен внутри и рассыпается, если возьмешь его неосторожно или крепко рукою; по счастью, шляпки грибов уже последние истачиваются червями и нередко остаются здоровыми и нетронутыми при совершенно съеденном внутри корне; удивительно, как получают грибы питательные соки и как могут расти в таком положении?

Существует мнение, что будто бы грибы, особенно после дождя, вырастают в одну ночь: это несправедливо. Правда, что иногда найдешь молодые грибы там, где вчера их не находил, но они были и остались только незамеченными, потому что мало отделялись от земли, скрывались под листьями или в траве. Самые скороспелые, или скорорастущие, грибы, как, например, березовики и сыроежки,

достигают полного развития в три дня, а грибы белые – в неделю и более. Всех медленнее растет дубовик, гриб, впрочем, никуда не годный и даже ядовитый, как я уже сказал.

В урожайные, или грибные, года грибы часто попадают кучками, семьями, даже растут двойчатками, тройчатками и более. Это я говорю о таких породах грибов, которые обыкновенно растут в одиночку, как то: белые, березовые, осиновые и проч. У меня срисован осиновик, у которого шесть отдельных корней покрыты одною шляпкой. Изобилие грибного семени и земляных соков нередко проявляется в самых странных и уродливых видах. Один раз я нашел сыроежку, из шляпки которой выросла другая сыроежка также со шляпкою; я срисовал эту уродливую редкость. Я также находил не один раз в земле большие куски белогрибного семени – массу, совершенно похожую на корень, величиною даже с человеческую голову.

Порядок появления грибов бывает следующий: как только весною окажутся проталины, то по лесным полянам и вообще по редколесью начнут появляться сморчки – сначала

глухие, а потом *стройки*; они растут даже под снежной корою, где бежит под ней вода; после сморчков следует промежуток времени с месяц, а при засухе и более, в продолжение которого грибов нет никаких. Потом появляются масленики, березовики, сыроежки и осиновики, потом первые слои груздей, подгруздков и белых грибов; потом следуют лиственнички и шампиньоны; наконец, идут осенние грибы: волжанки, белянки, рыжики и опенки. Весь этот порядок иногда нарушается, но всегда зависит от состояния погоды и атмосферических явлений. К этому должно прибавить, что каждая порода грибов появляется слоями раза два или даже три в продолжение лета и осени, покуда частые и сильные морозы, особенно при засухе, не убьют окончательно грибную растительность. Говоря о каждой порode грибов отдельно, я скажу подробнее о случайных изменениях в произрастании грибов.

Примечания

1

Эту пословицу я слышал употребляемую и в обратном содержаний: «Без счастья и по грибы нечего ходить».

[^^^]